

УДК: 811.111'373.43:811.161.1'25

Кодирова Замира Закировна

преподаватель

Университет Алфраганус

greeneyed87cat@gmail.com<https://orcid.org/0009-0003-2023-7013>

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БЛЕНДИНГ КАК МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕНГОВЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЧЕСКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

Аннотация. Сленговые неологизмы английского и русского языков всё чаще образуются не путём простого сложения или сокращения основ, а посредством концептуального блендинга — когнитивного механизма интеграции двух ментальных пространств в единую блендовую структуру. Существующие описания сленгового словотворчества традиционно ограничиваются формальной классификацией усечений и наложений, оставляя без внимания когнитивные основания этого процесса и связанные с ним переводческие трудности. Научная новизна работы заключается в применении четырёхпространственной модели концептуальной интеграции Ж. Факонье и М. Тёрнера к сопоставительному анализу английских блендов и их русских соответствий, а также в разработке типологии переводческих стратегий передачи блендовой семантики. Целью исследования является выявление когнитивных механизмов образования сленговых блендов и определение эффективных стратегий их перевода с английского языка на русский. Материалом послужили 42 англоязычных сленговых бленда, отобранных из лексикографических источников и корпусных исследований, и 15 русских контаминированных образований; отбор проводился по критерию фиксации единицы не менее чем в двух независимых источниках. Методология включает когнитивное моделирование по четырёхпространственной схеме, сопоставительно-переводческий анализ и качественно-количественную классификацию стратегий перевода. Установлено, что среди детально проанализированных 20 единиц транслитерация с частичной утратой внутренней членности составляет наиболее многочисленную группу (9 единиц), заимствование продуктивного форманта -голик — 3 единицы, окказиональное калькирование блендовой структуры — 3 единицы, описательный перевод — 5 единиц. Выявлена существенная асимметрия продуктивности блендинга: в английском языке это активная словообразовательная модель, в русском — периферийное явление, реализуемое преимущественно через контаминацию иронико-оценочного характера. Результаты позволяют утверждать, что выбор переводческой стратегии определяется степенью структурной и семантической прозрачности бленда для носителя языка перевода. Разработанная типология может быть

использована в лексикографической и переводческой практике, а также в преподавании перевода и лексикологии английского языка.

Ключевые слова: концептуальный блендинг; словообразовательный бленд; сленговый неологизм; контаминация; переводческая стратегия; англо-русское сопоставление; когнитивная лингвистика; телескопия.

CONCEPTUAL BLENDING AS A MECHANISM OF SLANG NEOLOGISM FORMATION IN ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION COMPARISON

Abstract. Slang neologisms in English and Russian are increasingly formed not through simple compounding or clipping but through conceptual blending, a cognitive mechanism that integrates two mental spaces into a single blended structure. Existing accounts of slang word-formation are usually limited to formal classifications of truncation and overlap, leaving the cognitive basis of the process and the translation difficulties it creates largely unaddressed. The scientific novelty of the study lies in applying Fauconnier and Turner's four-space network model of conceptual integration to a contrastive analysis of English blends and their Russian counterparts, together with a newly developed typology of translation strategies for rendering blended semantics. The aim of the research is to identify the cognitive mechanisms underlying slang blend formation and to determine effective strategies for translating such units from English into Russian. The material comprises 42 English slang blends drawn from lexicographic sources and corpus-based studies, and 15 Russian contamination-based coinages; selection required attestation in at least two independent sources. The methodology combines four-space cognitive modelling, contrastive-translational analysis, and a qualitative-quantitative classification of translation strategies. Among the 20 units examined in detail, transliteration with partial loss of internal segmentability proved the largest group (9 units), borrowing of the productive formant -holic accounted for 3 units, occasional calquing of the blend structure for 3 units, and descriptive translation for 5 units. A marked asymmetry in productivity was found: blending is an active word-formation pattern in English, whereas in Russian it remains peripheral, realised mainly through ironic-evaluative contamination. The results indicate that the choice of translation strategy depends primarily on the degree of structural and semantic transparency a blend retains for a target-language recipient. The proposed typology can be applied in lexicographic and translation practice, as well as in teaching translation and English lexicology.

Keywords: conceptual blending; lexical blend; slang neologism; contamination; translation strategy; English-Russian contrastive analysis; cognitive linguistics; word-formation.

KONTSEPTUAL BLENDING SLENG NEOLOGIZMLARINI SHAKLLANTIRISH MEXANIZMI SIFATIDA – INGLIZ-RUS TARJIMA QIYO- SIY TAHLILI

Annotatsiya. Ingliz va rus tillaridagi sleng neologizmlari ko'pincha oddiy qo'shma so'z yasalishi yoki qisqartirish orqali emas, balki kontseptual blending — ikkita mental fazoni yagona blend tuzilmasiga birlashtiruvchi kognitiv mexanizm — orqali hosil bo'ladi. Sleng so'z yasalishiga bag'ishlangan mavjud tadqiqotlar odatda qisqartirish va kontaminatsiya shakllarining formal tasnifi bilan cheklanib, mazkur jarayonning kognitiv asoslari hamda u yuzaga keltiradigan tarjima muammolarini yetarlicha yoritmaydi. Tadqiqotning ilmiy yangiligi J. Fokonye va M. Turner tomonidan ishlab chiqilgan kontseptual integratsiyaning to'rt fazoli tarmoq modelini ingliz tilidagi blendlar va ularning rus tilidagi muqobillarini qiyosiy tahlil qilishga tatbiq etishda, shuningdek blend semantikasini tarjima qilish strategiyalari tipologiyasini ishlab chiqishda namoyon bo'ladi. Tadqiqotning maqsadi sleng blendlarining hosil bo'lishidagi kognitiv mexanizmlarni aniqlash hamda ularni ingliz tilidan rus tiliga tarjima qilishning samarali strategiyalarini belgilashdan iborat. Tadqiqot materiali sifatida leksikografik manbalar va korpus tadqiqotlaridan tanlab olingan 42 ta ingliz sleng blendi hamda 15 ta rus kontaminatsion hosilasi xizmat qildi. Tanlov mezonlari sifatida har bir birlikning kamida ikkita mustaqil manbada qayd etilgani belgilandi. Metodologiya to'rt fazoli kognitiv modellashtirish, qiyosiy-tarjima tahlili hamda tarjima strategiyalarining sifat va miqdor jihatidan tasnifini o'z ichiga oladi. Batafsil tahlil qilingan 20 ta birlik orasida transliteratsiya (ichki bo'linuvchanlikning qisman yo'qolishi bilan) eng katta guruhni tashkil etdi (9 ta birlik), -golik unumdor formantining o'zlashtirilishi 3 ta, blend tuzilmasining okkazonal kalkasi 3 ta, tasviriy tarjima esa 5 ta birlikni qamrab oldi. Blending unumdorligida sezilarli assimetriya aniqlandi: ingliz tilida u faol so'z yaslash modeli bo'lsa, rus tilida asosan istehzoli-baholovchi kontaminatsiya orqali namoyon bo'ladigan periferik hodisa hisoblanadi. Natijalar tarjima strategiyasini tanlash blending tarjima tili vakili uchun qanchalik tuzilmaviy va semantik jihatdan shaffof ekaniga bog'liqligini ko'rsatadi. Ishlab chiqilgan tipologiya leksikografik va tarjima amaliyotida, shuningdek tarjima nazariyasi hamda ingliz leksikologiyasini o'qitishda qo'llanilishi mumkin.

Kalit so'zlar: kontseptual blending; leksik blend; sleng neologizmi; kontaminatsiya; tarjima strategiyasi; ingliz-rus qiyosiy tahlili; kognitiv tilshunoslik; so'z yasalishi.

ВВЕДЕНИЕ

Пополнение сленгового лексикона английского и русского языков не прекращается ни на один год, и заметная доля новых единиц

образуется не аффиксацией или простым словосложением, а более сложным способом — слиянием двух исходных слов в одно, при котором сохраняются фрагменты обеих

составляющих и одновременно возникает новое, не сводимое к сумме частей значение. Такие единицы, как английские *hangry*, *chillax*, *glamping* или *frenemy*, устроены иначе, чем классические сложные слова: их смысл не прочитывается по формуле «основа + основа», а требует восстановления скрытой семантической связи между двумя понятиями областями. Лингвистическое описание подобных образований долгое время ограничивалось формальной стороной вопроса — фиксацией места усечения, типа накладываемого сегмента, слоговой структуры результата. Когнитивная природа процесса, стоящего за внешне похожими на игру слов образованиями, получила системное объяснение сравнительно недавно — в рамках теории концептуальной интеграции Ж. Факонье и М. Тёрнера [9; 10], согласно которой *блендинг* представляет собой не периферийный приём словесной игры, а универсальный когнитивный механизм, лежащий в основе метафоры, грамматики и обыденного мышления в целом.

Несмотря на обширную литературу по конкретно-языковому описанию *блендов* — прежде всего на материале английского [8; 11; 14; 16] и, реже, других языков [12; 15] — за пределами внимания исследователей остаётся сопоставительный англо-русский материал: русская лингвистическая традиция описывает сходные по функции

образования преимущественно в терминах контаминации и телескопии [3; 6; 7], практически не соотносясь с зарубежной теорией концептуальной интеграции. Ещё менее изученным остаётся переводческий аспект проблемы: специальных работ, посвящённых стратегиям передачи англоязычных сленговых *блендов* на русский язык, обнаружить не удалось, хотя переводчики художественных текстов, субтитров и медийных материалов сталкиваются с этой лексикой регулярно. Настоящая статья призвана восполнить оба пробела — сопоставить механизм образования сленговых *блендов* в английском языке и функционально близких контаминированных единиц в русском языке в рамках единой когнитивной модели и на этой основе систематизировать переводческие решения.

Целью исследования является выявление когнитивных механизмов образования сленговых *блендов* в английском языке, установление их структурно-функциональных соответствий в русском языке и разработка типологии стратегий перевода *блендовой* лексики. Для достижения цели последовательно решаются следующие задачи: 1) уточнить понятийный аппарат теории концептуальной интеграции применительно к сленговому словотворчеству; 2) сформировать сопоставимые по критериям отбора корпусы английских *блендов* и русских контаминированных образований; 3)

применить четырёхпространственную модель к анализу отобранных единиц; 4) классифицировать переводческие стратегии передачи блендовой семантики; 5) объяснить выявленную асимметрию продуктивности блендинга в двух языках.

Объектом исследования выступают сленговые бленды современного английского языка и контаминированные образования современного русского языка; предметом — когнитивные механизмы их образования и переводческие соответствия, устанавливаемые между двумя языками. Такое разграничение объекта и предмета позволяет одновременно удерживать в фокусе анализа как собственно лингвистический механизм словопроизводства, так и прикладную, переводческую проекцию исследования.

Следует, однако, отметить, что статус блендинга как самостоятельного словообразовательного механизма не является общепризнанным: ряд исследователей, придерживающихся более формальных морфологических моделей, рассматривают бленды как периферийный случай словосложения или усечения, не требующий отдельного когнитивного объяснения и подчиняющийся тем же морфонологическим ограничениям, что и обычная деривация. Настоящая работа исходит из противоположной позиции, разделяемой Факонье, Тёрнером, Кеммер и Бауэром [8; 9; 10; 13], согласно которой формальная компрессия бленда

есть следствие, а не причина когнитивной интеграции понятийных пространств; данная теоретическая позиция определяет и выбор методологии настоящего исследования.

Теория концептуальной интеграции была впервые представлена Ж. Факонье и М. Тёрнером в статье 1998 года [9] и получила развернутое изложение в монографии «The Way We Think» [10]. Согласно этой модели, при образовании нового смысла — будь то метафора, грамматическая конструкция или лексический бленд — активируются как минимум два исходных ментальных пространства (input spaces), между элементами которых устанавливаются межпространственные соответствия; общая для обоих пространств структура проецируется в родовое пространство (generic space), а избирательно спроецированные элементы обоих исходных пространств образуют бленд (blended space), в котором возникает эмерджентная структура, отсутствующая в каждом из исходных пространств по отдельности. С. Кеммер показала, что лексический блендинг подчиняется тем же схемным принципам, что и продуктивное словообразование в целом [13], а Л. Бауэр предложил рассматривать бленды не как однородный класс, а как континуум от ядерных (прототипических) до периферийных случаев [8].

Идея о том, что творческое порождение нового смысла опирается на объединение двух ранее не

связанных структур, имеет долгую предысторию. Ещё до появления собственно теории концептуальной интеграции феномен одновременного помещения идеи в два независимых понятийных контекста описывался как общий механизм научного открытия, художественного творчества и юмора; теория концептуальной метафоры, в свою очередь, подготовила почву для последующей теории блендинга, показав, что абстрактные понятийные структуры регулярно организуются через проекцию из более конкретных областей опыта. Факонье и Тёрнер унаследовали эту исследовательскую традицию, но принципиально расширили её, показав, что интеграция ментальных пространств — процесс более общий, чем однонаправленная метафорическая проекция, и объясняющий, помимо метафоры, также грамматические конструкции, юмор, аналогию и, что особенно существенно для настоящей работы, лексическое словотворчество [9; 10].

За последнее десятилетие контрастивные исследования блендинга заметно активизировались. В. Реннер на материале 374 английских и 97 французских единиц, извлечённых из корпусных словарей, показал, что английский язык систематически предпочитает более компрессивные структурные модели, чем французский [16]; Т. Грль, воспроизведя методику Реннера на корпусе из 458 английских и 396 французских блендов, подтвердила

данное наблюдение и уточнила распределение типов усечения и наложения исходных компонентов [12]. А. Межвиньска-Хайнос применила теорию концептуальной интеграции к анализу польских и английских наименований растений, показав, что даже в предметно узкой лексической зоне бленды демонстрируют существенно более сложную семантическую структуру, чем обычные сложные слова [15]. С. Т. Гриз количественно подтвердил, что структура английских блендов в высокой степени определяется просодическим сходством исходных слов [11], а А. Лерер на материале «модных» неологизмов показала зависимость интерпретации бленда от степени морфологической прозрачности его составляющих [14].

В русской лингвистике сопоставимые по механизму образования единицы традиционно рассматриваются в рамках учения о контаминации, восходящего к работам Е. А. Земской [3]. Материалом для отечественных исследований чаще всего служат окказионализмы медийного и разговорного происхождения — от хрестоматийного хрущоба до продуктивных в последние десятилетия образований на стыке двух узуальных слов [6; 7]; лексикографическая фиксация подобных единиц остаётся систематически неполной, на что справедливо указывает Н. И. Коробкина [5]. При этом собственно когнитивное моделирование контаминации по схеме Факонье—Тёрнера в

русскоязычной литературе распространения не получило, а переводческая сторона вопроса — как передавать структурно и семантически компрессивные английские бленды средствами языка, в котором аналогичный механизм словопроизводства маргинален, — до настоящего времени специально не ставилась.

Традиционные переводоведческие работы, посвящённые передаче неологизмов и сленга в целом, ограничиваются перечислением общих трансформационных приёмов — транскрипции, калькирования, генерализации, описательного перевода [1; 4] — без учёта специфики блендовой семантики как отдельного, структурно неоднородного класса единиц. Между тем именно двойная мотивированность бленда — одновременная отсылка к двум исходным словам при частичной утрате их формальной целостности — создаёт особый тип переводческой трудности, не сводимый ни к трудности передачи простого неологизма, ни к трудности передачи идиомы. Настоящее исследование стремится преодолеть данный пробел, предлагая типологию, учитывающую именно когнитивную структуру бленда, а не только его формальные и стилистические характеристики.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В отличие от словосложения, при котором обе основы сохраняют полную форму, и от клиппинга, при котором усечению подвергается единственное слово, лексический

бленд предполагает усечение и/или наложение минимум двух исходных слов с образованием нового, формально более короткого знака. С когнитивной точки зрения этот формальный процесс есть внешнее проявление концептуальной интеграции: два input-пространства (например, пространство ГОЛОДА и пространство РАЗДРАЖЕНИЯ для hangry) через межпространственные соответствия проецируют часть своей структуры в родовое пространство, а избирательно спроецированные элементы обоих пространств формируют blended space, в котором рождается эмерджентный смысл — состояние раздражительности, вызванной голодом, не тождественное простой сумме «голодный» + «злой» [9; 10].

Факонье и Тёрнер сформулировали ряд «принципов оптимальности», которым должен удовлетворять успешный бленд. Полный перечень включает шесть позиций: принцип интеграции, требующий, чтобы сцена в блендованном пространстве воспринималась как единое целое; принцип паутины (web), обязывающий сохранять отслеживаемые связи между блендом и исходными пространствами; принцип распаковки (unpacking), позволяющий реципиенту по одному лишь бленду восстановить исходные пространства и отношения между ними; принцип топологии, требующий совместимости отношений внутри бленда с отношениями в исходных

пространствах; принцип достаточного основания (good reason), согласно которому всякий элемент, включённый в бленд, должен быть коммуникативно значимым; и принцип метонимического сжатия, регулирующий уплотнение отношений между исходными пространствами в более тесные отношения внутри бленда [10]. Применительно к сленговым блендам данные принципы объясняют, почему одни образования (chillax, hangry) закрепляются в узусе, а другие остаются разовыми окказионализмами: устойчивость бленда прямо пропорциональна лёгкости, с которой реципиент способен распаковать оба input-компонента, не утрачивая при этом ощущения коммуникативной оправданности каждого сохранённого фрагмента формы.

Помимо принципов оптимальности, теория различает несколько типов интеграционных сетей в зависимости от степени сходства организующих фреймов исходных пространств. В simplex-сетях одно из пространств содержит абстрактные роли, а другое — их конкретное заполнение; в mirror-сетях оба пространства организованы общим фреймом; в single-scope-сетях исходные пространства организованы разными фреймами, но в бленд проецируется структура только одного из них; наконец, в double-scope-сетях, к которым относится подавляющее большинство сленговых блендов, в блендованное пространство

проецируются структурные элементы обоих исходных фреймов одновременно, что и порождает характерную для сленга «двойную» экспрессивность: hangry опирается сразу на фрейм физиологического состояния (голод) и фрейм эмоционального состояния (раздражение), не редуцируя ни один из них к другому.

Л. Бауэр справедливо отмечает, что бленды не образуют однородного класса, а располагаются на континууме от ядерных (прототипических) до периферийных случаев [8]. Опираясь на корпусные данные, В. Реннер и Т. Грль предлагают более подробную структурную типологию, различающую четыре основных подтипа блендов по характеру взаимодействия исходных компонентов: (1) полное фонетическое наложение, при котором общий сегмент двух слов совпадает буквально (smog: sm(oke) + (sm)og); (2) частичное наложение с сохранением дополнительных сегментов по краям (brinner: br(eakfast) + (di)nnner); (3) усечение без наложения, при котором соединяемые сегменты не имеют общей фонетической части (sitcom: sit(uation) + com(edy)); (4) инфиксация, при которой формант одного компонента внедряется внутрь основы другого (chocoholic, где формант -oholic внедряется в основу choc(olate)) [12; 16]. С. Т. Гриз показал статистически значимую связь между фонологическим сходством исходных слов и вероятностью

образования от них устойчивого бленда, что подтверждает психолингвистическую, а не чисто орфографическую природу процесса [11].

Применение континуума Бауэра к материалу настоящего исследования позволяет расположить единицы английской подвыборки в порядке убывания структурной компрессии: на ядерном полюсе располагаются *smog*, *brunch*, *motel*, *hangry*, где оба компонента усечены и фонетически наложены; далее следуют *webinar*, *glamping*, *netizen* с усечением лишь одного компонента; ближе к периферии — *docudrama*, *infotainment*, *edutainment*, где усечённый элемент (*doc-*, *info-*, *edu-*) фактически превратился в самостоятельный комбинирующий формант, употребляющийся вне прямой связи с исходным полным словом; наконец, на крайнем периферийном полюсе находятся формантные образования типа *workaholic*, где связь с этимологическим источником (*alcoholic*) для среднего носителя языка практически не осознаётся и единица функционально сближается с обычным суффиксальным дериватом.

Функционально сленговый блендинг решает по меньшей мере три задачи, отмечаемые в литературе: экономию языковых средств за счёт компрессии двух понятий в один знак, языковую игру и юмористический эффект, возникающий из самого способа образования единицы независимо от её денотативного содержания, и маркирование

групповой принадлежности говорящего — уместное владение блендом сигнализирует включённость говорящего в определённое социальное, возрастное или профессиональное сообщество. А. Лерер показывает, что степень юмористического эффекта бленда обратно пропорциональна степени его лексикализации: недавно образованные, ещё не вошедшие в общий узус единицы воспринимаются как более остроумные, чем давно закрепившиеся в языке, ср. восприятие *smog* или *motel*, полностью утративших статус языковой игры, и *hangry* или *chillax*, для многих носителей всё ещё сохраняющих эффект новизны [14].

Отличие блендинга от концептуальной метафоры принципиально для настоящего исследования: метафора предполагает одностороннее проецирование структуры из области-источника в область-цель при сохранении лексической формы языковой единицы, тогда как блендинг создаёт новую лексическую форму, вбирающую материальные фрагменты обоих исходных знаков. Сленговое словотворчество, находящееся в фокусе настоящей работы, определяется вслед за В. И. Заботкиной как образование стилистически сниженных, экспрессивно окрашенных единиц, обслуживающих неформальное общение и обладающих, как правило, ограниченным — социально, возрастно или тематически — кругом употребления [2]. Совмещение данного определения с

теорией концептуальной интеграции позволяет утверждать, что именно блендинг, а не метафора или метонимия, выступает основным когнитивным механизмом образования компрессивной, экспрессивно маркированной сленговой лексики в современном английском языке.

В русской лингвистической традиции функционально близкий блендингу процесс описывается термином «контаминация»: Е. А. Земская определяет его как объединение частей двух узуальных слов в одно на основе их частичного формального или семантического сходства [3]. Морфологический тип русского языка — с его развитой системой словоизменения и продуктивной префиксально-суффиксальной деривацией — создаёт для контаминации иные условия продуктивности, чем аналитический строй английского: там, где английский язык компенсирует утрату грамматических флексий гибкостью синтагматического соединения основ, русский располагает готовым инструментарием аффиксации, конкурирующим с контаминацией за те же номинативные потребности. Данное наблюдение формулируется в настоящей работе как рабочая гипотеза о структурно обусловленной асимметрии продуктивности блендинга в двух языках, проверяемая эмпирически в разделе «Результаты исследования».

Соотношение понятий «блендинг» и «контаминация» требует

терминологического уточнения. В отечественной традиции контаминация нередко трактуется шире блендинга, включая как чисто синтаксические явления (смешение конструкций), так и явления, не предполагающие усечения исходных единиц. В настоящей работе принимается более узкое рабочее понимание: русская контаминация признаётся функциональным, но не полностью тождественным аналогом английского блендинга — оба явления реализуют одну и ту же когнитивную операцию интеграции пространств, однако, как показано в разделе «Результаты исследования», демонстрируют качественно иной профиль продуктивности и иной, преимущественно оценочно-экспрессивный, а не номинативно-компрессивный, коммуникативный статус.

Отдельного внимания заслуживает вопрос лексикографической фиксации блендов. В. Реннер, Ф. Манье и П. Арно, открывая коллективную монографию «Cross-Disciplinary Perspectives on Lexical Blending», отмечают, что маргинальный статус блендинга в традиционных грамматиках долгое время препятствовал его систематическому словарному описанию [17]. Применительно к русскому материалу аналогичную проблему фиксирует Н. И. Коробкина, показывающая, что контаминированные образования и близкие к ним оксюморонимы получают в толковых словарях крайне непоследовательное

лексикографическое оформление [5]. Данное обстоятельство напрямую осложняет задачи настоящего исследования, обуславливая необходимость привлечения не только словарных, но и корпусных и медийных источников при формировании материала.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили две подвыборки, сопоставимые по принципу отбора, но не по объёму. Английская подвыборка включает 42 сленговых бленда, зафиксированных не менее чем в двух независимых источниках: словарных перечнях, приведённых в работах В. Реннера и Т. Грль [12; 16], а также в специализированных лексикологических исследованиях [11; 14]. В выборку включались только единицы, удовлетворяющие трём критериям: (а) наличие фонетического и/или графического усечения минимум одного из двух исходных слов; (б) фиксация в неформальном, разговорном или сленговом регистре; (в) семантическая эмерджентность результата, не сводимая к прямому сложению значений компонентов. Из выборки исключались полные сложные слова без усечения, простые сокращения одного слова и аббревиатуры.

Русская подвыборка насчитывает 15 контаминированных образований, отобранных из работ по русскому словотворчеству [3; 6; 7] и лексикографических наблюдений Н. И.

Коробкиной [5]; дополнительным источником послужили материалы медийного и интернет-дискурса, где фиксировались единицы с признаками окказиональной контаминации. Меньший объём русской подвыборки не является методологическим недочётом: как показано ниже, он отражает объективно более низкую продуктивность контаминации в русском языке по сравнению с блендингом в английском и сам по себе выступает одним из результатов настоящего исследования.

Анализ проводился в три этапа. На первом этапе к каждой единице обеих подвыборок применялась четырёхпространственная модель концептуальной интеграции: реконструировались оба input-пространства, родовое пространство и эмерджентная структура блендованного пространства, что позволяло установить степень семантической прозрачности единицы для носителя языка. На втором этапе для 20 английских единиц, обладающих устойчивой фиксацией в узусе, проводился сопоставительно-переводческий анализ: для каждой единицы рассматривались существующие в русскоязычной практике способы передачи (при их наличии) либо предлагались и оценивались возможные переводческие решения, отвечающие критериям сохранения экспрессивности, компрессивности и, по возможности, внутренней формы бленда. На третьем этапе полученные решения классифицировались

по четырём стратегическим типам с последующим количественным подсчётом внутри данной ограниченной выборки.

Под прямым заимствованием (транслитерацией) понимается передача бленда фонетически адаптированной русской формой без морфемного членения (webinar → вебинар); под заимствованием продуктивного форманта — перенос в русский язык не всей единицы, а её словообразовательной модели, порождающей далее собственные русские дериваты (workaholic → трудоголик, откуда шопоголик, шокоголик); под окказиональным калькированием блендовой структуры — создание нового русского бленда по образцу английского с использованием русских основ (hangry → голодозлой); под описательным переводом — передача значения бленда синтаксической конструкцией, не сохраняющей компрессивность оригинала (frenemy → человек, дружественный лишь внешне). Подчеркнём, что количественные данные, приводимые далее, отражают результат качественной классификации автором конкретно охарактеризованного множества единиц и не претендуют на статистическую репрезентативность относительно всего массива англо-русских переводческих соответствий в целом.

Проиллюстрируем применение четырёхпространственной модели на примере единицы hangry. Первое input-пространство активирует

фрейм физиологического состояния с ролями «испытывающий голод субъект», «отсутствие пищи», «дискомфорт»; второе input-пространство активирует фрейм эмоционального состояния с ролями «раздражённый субъект», «источник раздражения», «поведенческое проявление». Родовое пространство содержит общую для обоих фреймов структуру «субъект, испытывающий негативно окрашенное состояние». В блендованном пространстве данные роли интегрируются таким образом, что голод выступает не сопутствующим, а причинным фактором раздражения, а поведенческое проявление раздражения приобретает специфическую окраску, отличную от «обычной» злости, — этот эмерджентный причинно-следственный компонент значения и составляет основную коммуникативную ценность единицы, не выводимую из простого перечисления «голодный» + «злой». Аналогичная процедура применялась к каждой единице обеих подвыборок; для русской единицы хрущоба она даёт следующую картину: первое input-пространство — историческая личность (Н. С. Хрущёв, эпоха массового типового домостроения), второе — тип жилища (трущоба, ветхое, неблагоустроенное жильё); родовое пространство — «непрестижное жилое пространство»; эмерджентная структура бленда — ироническая оценка типовой застройки определённой эпохи как некачественной, причём

конкретный архитектурный период реципиент обязан восстановить самостоятельно из включённого в состав слова имени собственного.

Отнесение единицы к тому или иному структурному типу и переводческой стратегии перепроверялось по данным не менее чем двух источников — лексикографического и корпусного либо двух независимых исследовательских работ, — что снижало риск субъективности единичного решения; в спорных случаях, например при разграничении полного и частичного фонетического наложения, единица относилась к более компрессивному из двух возможных типов, если корпусные данные не давали однозначных оснований для иного решения.

Дополнительным методологическим решением стал отказ от искусственного выравнивания объёма двух подвыборок: попытка подобрать 42 русские единицы, строго соответствующие принятым критериям отбора, потребовала бы либо смягчения самих критериев, что поставило бы под сомнение сопоставимость материала, либо включения единиц, не относящихся к контаминации в узком смысле — например, обычных сложносокращённых слов или аббревиатур, — что исказило бы предмет анализа. Поэтому асимметрия объёма подвыборок сохранена как содержательно значимый факт, подлежащий интерпретации в разделах «Результаты исследования» и «Обсуждение результатов», а не

устранена статистическими средствами.

Ограничения принятой методологии — небольшой объём подвыборки, отсутствие диахронических данных о частотности единиц и отсутствие эмпирической проверки предложенных переводческих решений на реальных реципиентах — оговариваются отдельно в разделе «Обсуждение результатов» и определяют направления дальнейшей работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ 42 единиц английской подвыборки по четырёхпространственной модели подтвердил структурную неоднородность блендов, отмеченную Л. Бауэром [8]. К прототипическому, «ядерному» типу — с усечением обеих основ и фонетическим наложением общего сегмента — отнесены 18 единиц (43% подвыборки): brunch (breakfast + lunch), motel (motor + hotel), smog (smoke + fog), spork (spoon + fork), brinner (breakfast + dinner), Spanglish (Spanish + English), Franglais (français + anglais), Bollywood (Bombay + Hollywood), gaydar (gay + radar), chillax (chill + relax), hangry (hungry + angry), guesstimate (guess + estimate), affluenza (affluence + influenza), jeggings (jeans + leggings) и другие. Ко второму, менее компрессивному типу — усечение только одного компонента при полном сохранении второго — отнесены webinar (web + seminar), staycation

(stay + vacation), glamping (glamorous + camping), infotainment (information + entertainment), edutainment (education + entertainment), docudrama (documentary + drama), netizen (internet + citizen), sitcom (situation + comedy) и другие — 15 единиц (36%). Третий тип — образования с продуктивным формантом либо со сложением целых основ (workaholic, frenemy, mansplaining) — составил 9 единиц (21%). Полученное распределение в целом согласуется с пропорциями, зафиксированными В. Реннером на материале 374 английских единиц [16] и Т. Грль на материале 458 единиц [12], что подтверждает репрезентативность отобранной подвыборки, несмотря на её ограниченный объём.

Применение той же модели к русской подвыборке выявило качественно иную картину. Классические примеры контаминации — хрущоба (Хрущёв + трущоба) и алконавт (алкоголик + космонавт) — обнаруживают структуру, формально схожую с английским блендингом: оба слова теряют часть своей формы, накладываясь друг на друга по фонетически тождественному сегменту, а в блендованном пространстве возникает эмерджентная, как правило иронически окрашенная оценка объекта номинации — убогое типовое жильё эпохи Н. С. Хрущёва в первом случае, спивающийся человек, чьё поведение сравнивается с героическим статусом космонавта, во

втором. Аналогичный механизм лежит в основе более раннего образования прихватизация (прихватить + приватизация), где эмерджентный смысл — незаконное присвоение государственной собственности под видом её законной передачи — не выводим из простого сложения значений [3]. Интернет-контаминация нетакуса (я не такая + суффикс с пейоративной коннотацией) показывает, что механизм остаётся продуктивным и в новейшем узусе, хотя и на ином — синтагматическом, а не лексическом — уровне исходных единиц [6].

Количественно, однако, продуктивность процесса в двух языках несопоставима: если для английского языка составленная подвыборка из 42 единиц потребовала относительно неглубокого поиска по ограниченному кругу лексикографических и корпусных источников, то сопоставимая по критериям отбора русская подвыборка ограничилась 15 единицами даже при расширении круга источников за счёт медийного и интернет-материала. Данная диспропорция подтверждает сформулированную в теоретическом разделе гипотезу о структурно обусловленной асимметрии: продуктивная аффиксация русского языка закрывает часть номинативных потребностей, которые в английском языке удовлетворяются именно за счёт блендинга.

Таблица 1

Структурные типы блендов в английской подвыборке и их русские функциональные аналоги

Структурный тип	Примеры (EN)	Русский функциональный аналог	Доля в подвыборке
Двойное усечение + фонетическое наложение (ядерный тип)	hangry, brunch, smog, chillax	хрущоба, алко-навт	43% (18/42)
Усечение одного компонента	webinar, glamping, netizen	прямые заимствования без опоры на аналог	36% (15/42)
Продуктивный формант / сложение целых основ	workaholic, frenemy, mansplaining	нетакуся (синтагматический механизм)	21% (9/42)

Как показывают данные Таблицы 2, наиболее частотной стратегией (45%) оказывается прямое заимствование, при котором русский язык принимает адаптированную по фонетическому облику форму английского бленда, полностью или частично утрачивая его внутреннюю мотивированность: носитель русского языка, воспринимающий форму вебинар, не восстанавливает автоматически исходное сложение web + seminar, если не владеет английским языком на уровне, достаточном для подобной сегментации. Существенно иначе устроена вторая по частотности стратегия — описательный перевод (25%): здесь утрачивается компрессивность оригинала, но полностью сохраняется денотативное содержание, что делает данную стратегию предпочтительной для единиц с низкой степенью

культурной освоенности в русскоязычной среде (affluenza, staycation). Промежуточное положение занимает заимствование продуктивного форманта (15%): в отличие от простой транслитерации целой единицы, здесь заимствуется словообразовательная модель, которая затем самостоятельно порождает в русском языке новые дериваты, не имеющие прямых английских источников. Наконец, окказиональное калькирование блендовой структуры (15%) — единственная стратегия, ориентированная на воспроизведение самого механизма блендинга средствами русского языка, — остаётся наименее апробированной в переводческой практике и представлена в настоящей работе преимущественно как предложенное, а не зафиксированное решение.

Таблица 2
**Стратегии перевода 20 детально проанализированных
английских блендов на русский язык**

Стратегия перевода	Кол-во	Доля	Примеры
Прямое заимствование (транслитерация)	9	45%	webinar→вебинар, glamping→глэмпинг, sitcom→ситком, blog→блог, motel→мотель, smog→смог, Brexit→Брексит, jeggings→джеггинсы, Bollywood→Болливуд
Заимствование продуктивного форманта	3	15%	workaholic→трудоголик, chocoholic→шокоголик, shopaholic→шопоголик
Окказиональное калькирование блендовой структуры	3	15%	hangry→голодозлой*, brinner→завтрак-обед*, chillax→расслабон* (* — предлагаемые окказионализмы)
Описательный перевод	5	25%	frenemy→друг-враг, netizen→пользователь Сети, staycation→отпуск дома, affluenza→«болезнь достатка», mansplaining→снисходительное объяснение мужчиной

Рассмотрим подробнее ряд характерных случаев, иллюстрирующих неоднородность английской подвыборки. Особый структурный интерес представляет группа блендов, образованных от имён собственных: Bollywood (Bombay + Hollywood), Brexit (Britain + exit), Spanglish (Spanish + English) и Franglais (français + anglais). В отличие от апеллятивных блендов, здесь одно из input-пространств содержит уникальный референт — страну, город или историческое событие, —

что накладывает дополнительное ограничение на распаковку: реципиент должен не просто восстановить два общих понятия, а идентифицировать конкретный именуемый объект, что требует высокой степени фоновых знаний и объясняет, почему подобные единицы в русском языке передаются исключительно транслитерацией (Болливуд, Брексит) — иной способ перевода разрушил бы саму референциальную функцию имени собственного.

Показательна также группа блендов с продуктивным формантом -(a)holic, восходящим к слову alcoholic и практически утратившим в современном английском языке первоначальную денотативную связь с алкоголем: workaholic, chocoholic, shopaholic, а также окказиональные foodaholic и подобные образуются по единой модели «X + чрезмерное, компульсивное пристрастие к X». В русском языке данная модель была заимствована вместе с единицей трудоголик и далее самостоятельно распространилась на новые основания (шопоголик, шокоголик), что демонстрирует достаточно редкий для контактной лингвистики случай заимствования продуктивной словообразовательной модели, а не отдельной лексической единицы: русский язык не просто принял готовое слово, но воспроизвёл сам механизм присоединения форманта к новым основам.

Единицы frenemy (friend + enemy) и mansplaining (man + explaining) иллюстрируют иной тип трудности — не структурную, а социокультурную: обе единицы кодируют понятия, получившие терминологическое оформление в англоязычном социальном дискурсе прежде, чем сопоставимая концептуализация сложилась в русскоязычном пространстве. В результате переводчик сталкивается не только с задачей передачи компрессивной формы, но и с необходимостью синхронно вводить в текст сам понятийный

конструкт, что и объясняет преобладание описательных решений (друг-враг, снисходительное объяснение мужчиной) над попытками окказионального калькирования. Единицы netizen (internet + citizen) и infotainment (information + entertainment), напротив, демонстрируют случай, когда русский язык располагает собственными средствами выражения смежного понятия (пользователь Сети) либо принимает заимствование по модели транслитерации, а не калькирования (инфотейнмент), что говорит о неоднородности переводческих решений даже внутри одной синхронной понятийной области.

По источнику происхождения проанализированные английские единицы распределяются между несколькими дискурсивными зонами: цифровой и интернет-коммуникацией (netizen, webinar, blog, staycation), рекламно-туристическим дискурсом (glamping, Bollywood), бытовой повседневностью и кулинарной сферой (brunch, brinner, spork), а также социально-критическим дискурсом (mansplaining, frenemy, affluenza). Русская подвыборка контаминированных единиц демонстрирует заметно меньшее дискурсивное разнообразие источников, тяготея по преимуществу к социально-политической (прихватизация) и бытовой оценочной (хрущоба, алконавт) сферам, что вновь подтверждает наблюдение об оценочно-экспрессивной, а не номинативно-технической

специализации контаминации в русском языке.

Таблица 3

**Соотношение структурного типа и переводческой стратегии
(20 детально проанализированных единиц)**

Структурный тип	Заимствование	Формант	Калькирование	Описательный перевод
Ядерный (двойное усечение)	5	0	3	2
Усечение одного компонента	4	0	0	2
Формант / целые основы	0	3	0	1

Таблица 3 показывает, что выбор переводческой стратегии закономерно связан со структурным типом исходной единицы: ядерные бленды с двойным усечением чаще становятся объектом либо прямого заимствования, либо — что показательно — окказионального калькирования, тогда как единицы с продуктивным формантом ни разу не были переданы калькированием, поскольку сама природа форманта предполагает не единичный перевод отдельного слова, а заимствование словообразовательной модели в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выявленная асимметрия продуктивности блендинга получает объяснение не только в структурных, но и в культурно-коммуникативных факторах. Английский сленговый блендинг в значительной степени обслуживает рекламный, медийный

и цифровой дискурс, для которого предельная компрессия формы при сохранении экспрессивности представляет самостоятельную коммуникативную ценность; русская контаминация, напротив, исторически тяготеет к иронико-оценочной номинации (прихватизация, алконавт), для которой компрессия формы вторична по отношению к выразительности оценки. Данное наблюдение согласуется с более ранними описаниями функций контаминации в русском словотворчестве [3; 6] и позволяет уточнить их применительно к переводческой задаче: переводчик, ищущий русский эквивалент английского бленда, работает не просто с иным словообразовательным инструментарием, но с иной коммуникативной традицией использования сходного по формальному устройству механизма.

Полученная асимметрия согласуется с более широким контрастивным наблюдением В. Реннера, установившего на материале английского и французского языков, что даже между двумя языками со сходным аналитическим строем степень продуктивности блендинга существенно различается: английский систематически предпочитает более компрессивные структурные модели, чем французский [16], а Т. Грль подтвердила данный вывод на расширенном корпусе из 458 английских и 396 французских единиц [12]. Если асимметрия обнаруживается уже внутри типологически близких языков, то ещё более выраженная асимметрия между аналитическим английским и синтетическим русским языком, зафиксированная в настоящей работе, представляется закономерным продолжением этой межъязыковой шкалы, а не изолированным фактом. Показательно и наблюдение А. Межвиньска-Хайнос: даже в предметно узкой, терминологически ограниченной зоне названий растений польский и английский языки демонстрируют различную степень готовности прибегать к блендингу как словообразовательному ресурсу [15]. Сопоставление этого вывода с результатами настоящей работы позволяет предположить, что степень продуктивности блендинга определяется не столько тематической областью лексики, сколько типологическими свойствами языковой системы в целом,

— гипотеза, требующая проверки на более широком круге языков.

Выдвинутая во введении гипотеза о структурно обусловленной асимметрии продуктивности блендинга находит подтверждение в полученных количественных данных: 42 английские единицы против 15 русских при идентичных критериях отбора, а также в качественном наблюдении о различном коммуникативном статусе блендинга — номинативно-компрессивном в английском языке — и контаминации — по преимуществу иронико-оценочной в русском. Вместе с тем гипотеза не может считаться доказанной в строго статистическом смысле ввиду ограниченного объёма материала, что оговаривается ниже отдельно.

Практическая значимость полученных результатов для переводческой деятельности состоит в том, что предложенная типология переводческих стратегий позволяет переводчику принимать обоснованное решение не интуитивно, а с опорой на структурный тип исходного бленда: единицы ядерного типа с высокой степенью культурной освоенности в русскоязычной среде предпочтительно передавать транслитерацией; единицы с продуктивным формантом — стремиться сохранить сам формант как потенциально продуктивную модель; единицы же, кодирующие ещё не устоявшийся в русскоязычном пространстве понятийный конструкт (*frenemy*, *mansplaining*), — передавать

описательно, сопровождая при необходимости кратким переводческим комментарием.

С точки зрения общей теории переводческих трансформаций [1; 4] предложенная в настоящей работе типология детализирует, а не отменяет классические категории: транслитерация и калькирование остаются базовыми приёмами, однако применительно к бленду данные приёмы приобретают дополнительное измерение — сохранение или утрату двойной мотивированности исходной единицы. В. Н. Комиссаров определяет эквивалентность перевода через сохранение цели коммуникации, указания на ситуацию, способ её описания, синтаксических структур и, на высшем уровне, максимальной общности семантики слов оригинала [4]; применительно к сленговым блендам данная иерархия смещается в сторону сохранения способа описания ситуации — то есть именно компрессивного, двухкомпонентного устройства знака, — что нечасто оказывается достижимым, судя по преобладанию описательного перевода и простой транслитерации в проанализированной выборке.

Полученные результаты уточняют и общий тезис Л. С. Бархударова о неизбежных потерях при переводе, вызванных расхождением систем исходного языка и языка перевода [1]: применительно к блендам эти потери носят системный, а не случайный характер и

затрагивают именно тот компонент значения, который делает бленд блендом, — внутреннюю семантическую двойственность. В этом смысле сленговый бленд можно рассматривать как разновидность лексики, для которой феномен переводческой потери проявляется особенно наглядно и потому заслуживает отдельного места в типологии переводческих трудностей, не сводимого ни к безэквивалентной лексике, ни к терминологии, ни к идиоматике.

Ограничения настоящего исследования связаны прежде всего с объёмом рассмотренного материала: 42 английские и 15 русских единиц позволяют выявить качественные закономерности, но не дают оснований для статистически значимых обобщений относительно всего массива англо-русских переводческих соответствий блендовой лексики. Отдельного эмпирического исследования требует и вопрос восприятия предложенных окказиональных калек носителями русского языка — в настоящей работе их приемлемость оценивалась исключительно на основании структурного соответствия принципам оптимальности Факонье—Тёрнера [10], без опроса информантов.

Отдельным ограничением следует признать то обстоятельство, что английская подвыборка не дифференцируется по национальному варианту языка: часть проанализированных единиц (chillax, hangry) закрепились преимущественно в

американском варианте английского языка, тогда как другие (staycation) получили более широкое распространение в британском узусе. Учёт региональной вариативности сленгового блендинга представляет самостоятельную исследовательскую задачу, выходящую за рамки настоящей работы, но существенную для последующих контрастивных исследований.

Перспективным направлением дальнейшей работы представляется, во-первых, расширение корпуса за счёт извлечения блендов из параллельных англо-русских корпусов кинематографических субтитров, где сленговая лексика представлена особенно плотно; во-вторых, экспериментальная проверка предложенных переводческих окказионализмов методом опроса носителей языка на предмет их понятности и приемлемости; в-третьих, распространение предложенной методологии на другие языковые пары, в частности на англо-испанское и испанско-русское сопоставление сленговой лексики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что образование сленговых блендов в английском языке и функционально близких контаминированных единиц в русском языке подчиняется единому когнитивному механизму концептуальной интеграции, однако реализуется этот механизм с разной степенью продуктивности и в разных коммуникативных функциях.

Из 42 проанализированных английских единиц наиболее распространённым структурным типом (43%) оказались бленды с двойным усечением и фонетическим наложением основ; в русском языке сопоставимые по устройству образования — хрущоба, алконавт, прихватизация — многочисленны в описательной литературе, но малочисленны как самостоятельный продуктивный класс, что подтверждает выдвинутую во введении гипотезу об асимметрии.

Разработанная типология из четырёх переводческих стратегий — прямого заимствования, заимствования словообразовательного форманта, окказионального калькирования блендовой структуры и описательного перевода — распределилась в проанализированной выборке из 20 единиц в пропорции 45%, 15%, 15% и 25% соответственно, показав, что выбор стратегии определяется прежде всего степенью структурной и культурной освоенности исходной единицы в русскоязычной среде.

Полученные результаты отвечают на вопросы, поставленные во введении: механизм образования сленговых блендов действительно универсален и не ограничивается английским языком, но условия его продуктивности типологически обусловлены; переводческие решения поддаются систематизации, если учитывать не только формальную структуру бленда, но и степень сохранности его внутренней

семантической двойственности. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенная типология может служить рабочим инструментом для переводчиков художественных и медийных текстов, а

также материалом для лексикографического описания заимствованной и окказиональной блендовой лексики в русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
2. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1989. — 124 с.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. — 2-е изд. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 90–141.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
5. Коробкина Н. И. Лексикографическая фиксация блендов и оксюморонимов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2012. — № 2.
6. Лаврова Н. А. Контаминация как одна из продуктивных моделей образования сленгизмов // Молодой учёный. — 2009. — № 9 (9). — С. 100–102.
7. Лашкевич О. М. Семантика слов-слитков в современном английском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «Филологические науки». — 2005. — Вып. 5, № 2.
8. Bauer L. Blends: Core and periphery // Cross-Disciplinary Perspectives on Lexical Blending / ed. by V. Renner, F. Maniez, P. J. L. Arnaud. — Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012. — P. 11–22.
9. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. — 1998. — Vol. 22, No. 2. — P. 133–187.
10. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. — New York: Basic Books, 2002. — 440 p.
11. Gries S. Th. Shouldn't it be breakfunch? A quantitative analysis of blend structure in English // Linguistics. — 2004. — Vol. 42, No. 3. — P. 639–667.
12. Grlj T. Blending as a Word-Formation Process: A Comparative Analysis of Blends in English and French // Journal for Foreign Languages. — 2022. — Vol. 14, No. 1. — P. 85–106.
13. Kemmer S. Schemas and lexical blends // Motivation in Language: Studies in Honor of Günter Radden / ed. by G. Radden, K.-U. Panther. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003. — P. 69–95.

14. Lehrer A. Understanding trendy neologisms // *Rivista di Linguistica*. — 2003. — Vol. 15, No. 2. — P. 369–382.
15. Mierzwińska-Hajnos A. More than Blends and Compounds. Conceptual Integration Theory behind Plant-Related Linguistic Expressions in Polish and English // *Lublin Studies in Modern Languages and Literature*. — 2016. — Vol. 39, No. 2. — P. 65–90.
16. Renner V. French and English lexical blends in contrast // *Languages in Contrast*. — 2018. — Vol. 19, No. 1. — P. 27–47.
17. Renner V., Maniez F., Arnaud P. J. L. Introduction: A Bird's-eye View of Lexical Blending // *Cross-Disciplinary Perspectives on Lexical Blending* / ed. by V. Renner, F. Maniez, P. J. L. Arnaud. — Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012. — P. 1–10.
18. Xujaev, M. (2020). Mahmudkhuja Behbudiy as a leader of jadid reforms. *The Light of Islam*, 3, 39-47.
19. Xujayev, M. I. (2018). THE COVERAGE OF THE PROBLEM OF NATIONALITY AND ITS ROLE ON THE PRESENT DAY IN AHMAD ZAKI VALADI'S WORK. *Мировая наука*, (6 (15)), 61-63.
20. Хужаев, М. И. (2018). АҲМАД ЗАКИ ВАЛИДИЙНИНГ ДИНИЙ-ФАЛСАФИЙ МЕРОСИНИНГ ИЛДИЗЛАРИ. In *Инновационные подходы в современной науке* (pp. 177-182).
21. Khujaev, M. (2024). AHMED ZAKI: ON THE IDEAS OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY. *Экономика и социум*, (1 (116)), 235-239.